

УДК 343 + 378.635
ББК 67.401
А43

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук, доцент *Д.В. Ермолович* (ответственный редактор);
кандидат юридических наук, доцент *Э.П. Костюкович*;
кандидат юридических наук, доцент *Ю.И. Селятыцкий*;
кандидат юридических наук, доцент *Ю.А. Сурженко*;
М.Г. Петрусевич

Актуальные вопросы обеспечения общественной безопасности в современных условиях : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 28 окт. 2022 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Д.В. Ермолович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2022. – 139, [1] с.
ISBN 978-985-576-365-0.

Рассматриваются актуальные вопросы правового и прикладного обеспечения деятельности правоохранительных органов в особых условиях, тактико-специальной и огневой подготовки.

Издание предназначено для научных сотрудников, преподавателей, лиц, обучающихся на юридических факультетах учреждений высшего образования, сотрудников правоохранительных органов.

УДК 343 + 378.635
ББК 67.401

ISBN 978-985-576-365-0 © УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2022

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИЛОВЫХ СТРУКТУР В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

УДК 351.74

М.В. Бавсун, А.В.Травников

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИЛОВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Стабильность миропорядка на протяжении многих десятилетий позволила сформировать устойчивое представление о пределах правового регулирования почти всех сфер жизнедеятельности человека. По большому счету проблематика правовых основ функционирования силовых подразделений в мирной обстановке долгое время не являлась актуальной. Общие правила о необходимой обороне, крайней необходимости, пределах причинения вреда при задержании лиц, совершивших преступления, а также порядка и пределов применения огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы, регламентируемых законами о полиции (милиции), долгое время оказывались достаточными для решения повседневных задач по охране общественного порядка и общественной безопасности. Увы, но большинство догм, оказавшись в иных, с одной стороны, и с правовой точки зрения мирных условиях, а с другой, имея под собой события экстренного характера, становятся бессильными, будучи способными при этом только навредить, а не помочь, создав таким образом заведомо невыгодные позиции для правоохранительных структур в их деятельности по противодействию преступности. Речь в данном случае идет о максимально широком понимании выражения «противодействие преступности». Безусловно, это и их крайние проявления, включая конкретно боевые действия, которые мы сегодня наблюдаем на территории Украины, фрагментарно продолжаем отслеживать в Сирии, оглядываясь при этом на события начала 2022 г. в Республике Казахстан, вспоминая Чеченскую Республику в период обеих военных кампаний, и др.

Следует отметить, что одним из наиболее ярких проявлений подобного чрезвычайного законодательства (или надрегулирования) в мирное время выступает Федеральный закон Российской Федерации от 6 июня 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», согласно которому

разрешается уничтожение воздушного судна в случае «...если имеется достоверная информация о возможном использовании воздушного судна для совершения террористического акта или о захвате воздушного судна и при этом были исчерпаны все обусловленные сложившимися обстоятельствами меры, необходимые для его посадки, и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы» [1]. По этому поводу было написано и сказано очень много, но никто при этом не может отрицать того факта, что начало целесообразности, которым пронизана сама идея данного акта, доминирует над всеми остальными столпами конституционного характера. Противоречия началам законности, гуманизма, возможности реализации каждого права на правосудие, которое при этом должно быть гласным, с соблюдением всей совокупности прав подсудимого, любая попытка чрезвычайного регулирования общественных отношений направлена на быстрое и максимально эффективное решение неожиданно возникшей для этих общественных отношений проблемы.

Экстремальная ситуация порождает не менее экстремальные способы ее решения, которые в последние два десятилетия находят свое выражение в законодательных актах многих стран. И Россия в данном случае далеко не первая. Новейшая история изобилует примерами, когда чрезвычайное законодательство не просто становится во главу угла, а оказывается в роли ключевого фактора, воспринимающегося как руководство к действию, в том числе, и тогда, когда непосредственной угрозы уже нет (либо ее нет еще, но она вот-вот должна случиться). И примеров того, начиная с XXI в., немало количество. Одним из наиболее ярких precedентов выступает принятый в США акт – *Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act* – вступивший в силу в 2001 г. нормативный правовой акт, широко известный как *USA PATRIOT Act*, документ, призванный сплотить, укрепить и наделить юридическими инструментами США перед лицом террористической угрозы. Документ, существенно расширивший полномочия специальных служб и ограничивший гражданские права и свободы. В частности, дал право прослушивать телефонные переговоры, следить за электронной перепиской, требовать у библиотек и книжных магазинов данные о заказанных или купленных посетителями книгах. Кроме того, была введена уголовная ответственность за укрывательство террористов. Фактически такой же акт был принят в 2015 г. во Франции. Его появление также напрямую связывается с террористическими актами, случившимися в начале этого же года в центре Парижа [2].

Что характерно, ситуации применительно к США и Франции были краткосрочны. В связи с этим появление столь жестких актов, действующих

при этом на постоянной основе спустя уже два десятилетия (что касается США) вызывает вопросы в части обоснованности их столь длительного существования. Имея чрезвычайный характер своего происхождения, будучи мгновенной реакцией на уже случившееся действие, такой акт теряет смысл своего участия в правовом регулировании почти сразу после завершения расследования. Основное объяснение дальнейшего наличия такого документа, якобы в его предупредительной роли, способности создать условия для своевременного выявления аналогичных преступлений на стадии их приготовления или покушения.

Идея, безусловно, благая и в современных условиях требующая соответствующих средств. Однако надо понимать, что, создавая некое, пусть даже и на основе самых благородных мотивов, исключение, и применяя его на постоянной основе (продолжая утверждать, что это исключение), мы, во-первых, уже не можем говорить о незыблемости той правовой системы с ее базовыми принципами, которая преподносится как основа демократического общества, а во-вторых, допускаем дальнейшую пролиферацию таких особенностей если и не по каждому поводу, то по крайней мере при появлении более или менее соответствующей ситуации. Благодаря этому сегодня мы имеем упрощенную процедуру перехода от обычного регулирования к чрезвычайному в условиях, не поддающихся под военное положение или особые условия.

В то же время и по большому счету чрезвычайное правовое регулирование деятельности силовых структур в современных, но мирных условиях есть суть военного положения, введение которого вооруженным силам Российской Федерации позволяет отражать или предотвращать акты агрессии против Российской Федерации [3]. При этом в обычных условиях именно чрезвычайные акты дают достаточную основу для использования тех же полномочий, что и при военном. Между тем парадоксальность ситуации заставляет серьезно задуматься относительно назревшей потребности в пересмотре именно базовых правил применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия в рамках правил, предусмотренных ст. 37–39 Уголовного кодекса Российской Федерации (что, кстати, и произошло в российском законодательстве в 2022 г.). Все дело в том, что так называемые чрезвычайные правила могут существовать только в определенный временной промежуток, который не может равняться нескольким десятилетиям. Если ситуация обратная, то закономерным является вопрос относительно того, насколько эти правила чрезвычайны, или они вполне вписываются в статус особых, или исключительных?

Не менее закономерными, как впрочем, и сложными в данном случае являются и другие вопросы, от их чисто правовых аспектов до

морально-этических. Например, о каких пределах правового регулирования деятельности силовых подразделений в мирных условиях мы можем вести речь, устанавливая на законодательном уровне саму возможность применения силы, далеко выходящей за пределы общих правил? Или где гарантии того, что вполне конкретными людьми при возникновении вполне конкретных обстоятельств будет принято то самое и единственно верное решение, позволяющее применить норму чрезвычайного правового регулирования? Важно при этом учесть и тот факт, что как таковое отсутствие того самого предела правового регулирования общественных отношений создает совершенно неверную иллюзию наличия скрытой возможности в реальной обстановке пойти еще дальше, по принципу: то, что доступно законодателю, должно быть доступно и для применяющего закон. В итоге революционная целесообразность сводит на нет не менее революционную законность, ставя под сомнение сам факт способности государства устанавливать единые и неизменные правила для всех участников общественных отношений.

В конечном итоге вполне возможной становится ситуация, когда чрезвычайное законодательство самим фактом своего существования подрывает основы (а по некоторым оценкам и вовсе упразднит) юридическое [4, с. 57]. Дж. Агамбен по этому поводу отмечает, что «превращение временной и исключительной меры в управленческую технологию угрожает радикально преобразовать, и, фактически, уже ощутимо преобразовало структуру и смысл различных традиционных конституционных форм» [5, с. 15]. Следует понимать, что поддавшись однажды соблазну использовать чрезвычайные средства, впредь не менее чрезвычайно сложно избавиться от этой привычки. Вопрос лишь в том, насколько велика роль чрезвычайного законодательства во всей сфере правового регулирования общественными отношениями, а также в тех пределах, которые допускаются государством, принявшим решение о возможности возникновения самого факта наличия такого законодательства?

Силовые структуры, часто, будучи ориентированными на поддержание порядка в мирное время и значительно более активное участие в противодействии уже реальному противнику в военное время, оказываются в сложной ситуации при наличии норм, не соответствующих ни одному из указанных режимов. Что интересно, потенциальная возможность применяемых средств, при сочетании определенных условий, предусмотренных чрезвычайным законодательством, может превысить даже те возможности, которые могут у них возникнуть в условиях военного времени. Однако даже их нахождение в тех же пределах ставит под сомнение абсолютное большинство правовых институтов, большинство из которых основано на идеях законности и гуманизма. Надо понимать,

что законность не может быть чрезвычайной, опять же за исключением военного времени. Отсюда неизбежным является вывод, согласно которому чрезвычайность и нужна и не нужна. Она и средство защиты, и одновременно способ злоупотребления, она может выступать в качестве импульса в развитии права и его дублирования, подмены и прямого его противопоставления [4, с. 61].

Вместе с тем следует признать, что современные условия указывают на значительно большее соответствие реальности первой части тезиса. Защита общества и государства все больше начинает занимать места в общей концепции противодействия преступности (в том числе и на транснациональном и откровенно государственном уровнях). Намечившаяся тенденция указывает как раз на возможное расширение пределов использования так называемого надрегулирования деятельности силовых подразделений, в целях возрастающей потребности купирования новых силовых вызовов. Именно в этой связи по-прежнему актуальным остается высказывание Рихарда Вагнера «Рана может быть исцелена только тем копьем, которое нанесло ее». Другими словами, современные угрозы, к сожалению, вынуждают государство принимать меры экстраординарного характера, находящие свое нормативное выражение в так называемом чрезвычайном законодательстве, пределы которого пока что непонятны никому, включая само государство. Между тем сложившаяся ситуация больше напоминает принцип талиона, реализация которого в XXI в. значительно более бескомпромиссна и беспощадна, чем в период своего появления, не оставляя шансов никому, ни виновному в совершении преступления, ни потерпевшему от такового.

Список использованных источников

1. О противодействии терроризму [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 6 июня 2006 г., № 35-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.
2. Прокофьев, В. Французский парламент расширил полномочия спецслужб [Электронный ресурс] / В. Прокофьев // Российская газета. – 2015. – 6 мая. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/05/06/france-site.html>. – Дата доступа: 24.08.2022.
3. О военном положении [Электронный ресурс] : Федер. Конституц. закон Рос. Федерации, 30 янв. 2002 г., № 1-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.
4. Попов, Д.В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья II. Право на задворках духовности / М.В. Бавсун, Д.В. Попов // Науч. вестн. Ом. акад. МВД России. – 2019. – № 1. – С. 53–62.
5. Агамбен, Дж. Nomosacer. Чрезвычайное положение / Дж. Агамбен. – М., 2001. – 148 с.